

УДК 172.1+177.9+321.01

НАСКОЛЬКО МИНИМАЛЬНО МИНИМАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО?

К. Е. Морозов

Институт философии РАН (г. Москва)
lovcraft.wittgenstein@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам распределительной справедливости и обоснования политического авторитета государства. Согласно Роберту Нозигу, морально оправданно только минимальное государство, которое защищает естественные права своих граждан, но не занимается перераспределением богатства и доходов между ними. Эта статья предлагает аргумент в пользу того, что, вопреки допущениям Нозика, минимальное государство может осуществлять перераспределение, не выходя за пределы своих минимальных функций. Это возможно, потому что минимальное государство может использовать свой бюджет любым ненасильственным образом, если это способствует реализации его основной задачи – обеспечения общественной безопасности. Бедность и неравенство значительно повышают риски совершения насильственных преступлений. Следовательно, минимальное государство имеет право обеспечивать малоимущих социальной поддержкой, чтобы снизить риски насильственных преступлений. Этот аргумент дополнительно защищается от возражений.

Ключевые слова: Роберт Нозик, либертарианство, анархизм, классический либерализм, минимальное государство, естественные права, общественная безопасность, распределительная справедливость, политический авторитет.

Для цитирования: Морозов, К. Е. (2026). Насколько минимально минимальное государство? *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 110-122. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.110-122.

HOW MINIMAL IS THE MINIMAL STATE?

К. Е. Morozov

Institute of Philosophy RAS (Moscow)
lovcraft.wittgenstein@gmail.com

Abstract. This article addresses issues of distributive justice and the justification of the state's political authority. According to Robert Nozick, only a minimal state is morally justifiable: one that protects the natural rights of its citizens but does not redistribute wealth and income among them. This article offers an argument that, contrary to Nozick's assumptions, a minimal state can redistribute without exceeding its minimal functions. This is possible because a minimal state can use its budget in any non-violent manner as long as it contributes to its primary goal—ensuring public safety. Poverty and inequality significantly increase the risk of violent crime. Therefore, a minimal state has the right to provide social support to the poor to reduce the risk of violent crime. This argument is further defended against objections.

Keywords: Robert Nozick, libertarianism, anarchism, classical liberalism, minimal state, natural rights, public safety, distributive justice, political authority.

For citation: Morozov, K. E. (2026). How Minimal is the Minimal State? *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 110-122. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.110-122.

В своей книге «Анархия, государство и утопия» (1974) американский философ Роберт Нозик сформулировал аргумент в пользу того, что морально оправданно только минимальное государство, «функции которого ограничены узкими рамками – защита от насилия, воровства, мошенничества, обеспечение соблюдения договоров и т. п.» [Нозик, 2020, с. 11]. Иначе говоря, согласно Нозику, функции государства должны быть ограничены обеспечением общественной безопасности. Любая деятельность государства, которая выходит за пределы этой узкой задачи, будет нарушать естественные моральные права людей, а потому недопустима. Нозик никогда явно не обсуждал, как должно выглядеть минимальное государство и как именно оно должно реализовывать свою главную задачу. Единственное, о чем явно пишет Нозик, это то, что такое государство не будет заниматься перераспределением богатства и доходов между своими гражданами, а также не будет вводить какие-либо патерналистские ограничения.

Хотя книга Нозика впервые увидела свет больше пятидесяти лет назад, разработанная им либертарианская теория справедливости по сей день остается влиятельной и обсуждаемой как среди академических философов, так и среди политиков и активистов по всему миру¹. В этой статье мы критически проанализируем аргументацию Нозика и покажем, что вопреки его собственным выводам, минимальное государство может оправданно заниматься перераспределением богатства и доходов между своими гражданами, не выходя за пределы своих основных функций. Дело в том, что аргументация Нозика не накладывает никаких ограничений на те способы, которыми государство будет обеспечивать общественную безопасность, и с учетом некоторых правдоподобных социологических допущений у государства есть основания рассматривать бедность как источник социальной напряженности. Для устранения этого источника государство может учреждать финансируемые налогами программы борьбы с бедностью, что, в сущности, предполагает перераспределение.

Аргумент Нозика в пользу минимального государства

Нозик начинает свою книгу со своей исходной нормативной предпосылки: «Люди обладают правами, и поэтому есть действия, которые не может совершать по отношению к индивиду ни отдельный человек, ни группа лиц (без нарушения этих прав)» [Нозик, 2020, с. 11]. Речь идет о *естественных* правах, т. е. таких моральных правах, существование которых не зависит от их признания другими людьми или государством². В своей известной рецензии Томас Нагель упрекал Нозика в том, что он не приводит никаких оснований в поддержку этих естественных прав [Nagel, 1995]. Отчасти этот упрек справедлив: Нозик действительно подробно не останавливается на исследовании оснований естественных прав, просто предполагая, что читатели, которые уже согласны с идеей естественных прав, найдут его аргументацию убедительной. Однако некоторые соображения в защиту естественных

¹ См., напр., специальный номер журнала *The Independent Review*, приуроченный к пятидесятилетию «Анархии, государства и утопии» (2024. Vol. 29. No. 2).

² При этом Нозик не является абсолютистом в отношении этих прав. Он признает, что иногда допустимо нарушать права других людей, но только если это необходимо для избежания «катастрофических моральных последствий» [Мехед, 2015, с. 31-32; Нозик, 2020, с. 53].

прав Нозик все-таки приводит. С его точки зрения, признание этих прав является практическим следствием второй формулировки кантовского категорического императива³: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [Кант, 1994, с. 205; Нозик, 2020, с. 54].

В первую очередь, согласно Нозику, категорический императив наделяет людей исключительным правом собственности на самого себя, свое тело и свою личность – т. е. *правом самопринадлежности* [Нозик, 2020, с. 220]. Это право запрещает другим людям, группам людей и государству осуществлять какие-либо действия по отношению к телу и личности человека без его согласия. Далее, вслед за Джоном Локком, Нозик признает, что люди могут приобретать права собственности на ничейные ресурсы, присваивая их [Локк, 2020, с. 250; Нозик, 2020, с. 194]. И поскольку обсуждаемое право присвоения также является естественным, то и приобретаемые через него права на внешние ресурсы также не подлежат никаким ограничениям со стороны других людей и государства, за исключением оговорки, что такое присвоение не должно непоправимо ухудшать положение других людей⁴.

Нозик также признает, что у людей есть естественное право на то, чтобы самостоятельно осуществлять защиту самих себя и своей справедливо приобретенной собственности. В силу этого, с точки зрения Нозика, налогооблагающее государство с монополией на насилие нуждается в моральном обосновании, потому что, на первый взгляд, такое государство нарушает естественные права людей. С одной стороны, такое государство требует от своих граждан, чтобы они платили ему налоги, т. е. требует от людей передачи какой-то части их справедливо приобретенной собственности. С другой стороны, такое государство ограничивает права людей самостоятельно защищать себя, устанавливая свою монополию на насилие и, таким образом, ограничивая возможности людей использовать это насилие для самообороны.

Философ и экономист Мюррей Ротбард, разделявший с Нозику его взгляды на естественные права, утверждал, что любое, даже самое минимальное государство будет нарушать права своих граждан, а потому не может быть морально оправданно [Ротбард, 2009]. На основании этого Ротбард заключал, что наиболее справедливым общественным устройством был бы рыночный анархизм, при котором ни у кого нет права собирать налоги и монополии на насилие, а защиту себя и других люди будут организовывать, учреждая добровольные защитные ассоциации. Своей книгой Нозик пытался показать, что возможно такое государство, которое не будет нарушать естественные права своих граждан, потому что такое государство могло бы возникнуть из рыночной анархии без нарушения чьих-либо прав⁵.

³ Многие критики отмечали, что интерпретация Нозику категорического императива во многом противоречит задумке Канта [Чалый, 2014; Морозов, 2025б; Cohen, 1995; Bardon, 2000]. Джейсон Бреннан и Бас ван дер Воссен считают, что центральный аргумент Нозика в пользу естественных прав не кантовский, а интуитивистский [Brennan & Van der Vossen, 2018]. Апелляцию к категорическому императиву в данном случае можно рассматривать как способ проиллюстрировать моральную интуицию, а не как солидаризацию с моральной теорией Канта.

⁴ Сам Нозик считал, что из его оговорки ни при каких обстоятельствах, кроме природных катастроф, не следуют обязательства по компенсации другим за совершенное присвоение [Нозик, 2020, с. 232]. В другой статье мы исследовали причины, почему Нозик заблуждался в этом [Морозов, 2025а].

⁵ В сущности, книга Нозика является завуалированной полемикой именно с Ротбардом, который и убедил Нозика в существовании естественных прав.

Нозик показывает возможность такой трансформации рыночной анархии в минимальное государство через несколько этапов. На первом этапе среди множества конкурирующих защитных ассоциаций выделяется одна доминирующая ассоциация, которая становится фактическим монополистом на конкретной территории. Этот монополистический статус связан не с тем, что доминирующая ассоциация подавляет своих конкурентов, а скорее с тем, что само обеспечение общественной безопасности является «естественной монополией»⁶.

На следующем этапе доминирующая ассоциация превращается в «ультраминимальное государство», запрещая использовать насилие в частном порядке для защиты самих себя и тем самым устанавливая свою правовую монополию на насилие [Нозик, 2020, с. 79]. По мнению Нозика, такой запрет не является нарушением прав людей, проживающих на территории, подконтрольной доминирующей ассоциации, потому что эта ассоциация имеет право ограничивать рискованную деятельность других, когда эта деятельность может нарушать права клиентов защитной ассоциации. Например, если кто-то начнет стрелять из своего окна по бутылкам на другой стороне улицы, то защитная ассоциация может запретить подобную деятельность, поскольку она накладывает на других людей риски быть застреленными на улице. Как утверждает Нозик, любое частное использование насилия несет риски, что будут нарушены естественные права кого-то, кто не виноват ни в каком преступлении перед другими людьми. Поэтому на подконтрольной ей территории защитная ассоциация может запретить любое частное использование насилия, выступая главным арбитром в разрешении споров как между его клиентами, так и независимыми людьми.

Однако затем ультраминимальное государство должно, согласно Нозiku, совершить еще одно расширение – превратиться в минимальное государство. Среди читателей Нозика есть две устоявшиеся интерпретации по поводу того, чем минимальное государство отличается от ультраминимального. С первой точки зрения, ультраминимальное государство защищает только своих клиентов, которые добровольно платят ему за защиту, тогда как минимальное принудительно взимает со всех людей на своей территории налоги, но также защищает всех этих людей вне зависимости от их платежеспособности [Cohen, 1995, pp. 89, 235; Feser, 2000, p. 220]. Со второй точки зрения, и ультраминимальное, и минимальное государство защищают только клиентов, которые добровольно платят за свою защиту, но минимальное государство дополнительно защищает тех своих граждан, которые самостоятельно не могут платить за свою защиту [Mask, 2011, p. 92]. Далее мы будем исходить из того, что верной является первая интерпретация⁷.

Нозик считает, что для ультраминимального государства допустимо учредить систему принудительного налогообложения, чтобы расширяться до минимального, потому что ранее, установив свою монополию на насилие, это государство ухудшило положение тех, у кого недостаточно денег для оплаты услуг этого государства. Ведь оно запретило этим людям самостоятельно использовать насилие для своей защиты, однако они не могут делегировать это право государству, поскольку у них нет денег для покупки защитного

⁶ Отрасль является естественной монополией, если совокупные издержки одной фирмы, производящей весь объем продукции, ниже совокупных издержек двух или более фирм, производящих тот же объем продукции [Perloff, 2012, p. 394].

⁷ В другой статье мы исследовали вопрос о том, поддерживал ли Нозик принудительное налогообложение [Морозов, 2023].

полиса [Нозик, 2020, с. 151]. Таким образом, хотя ультраминимальное государство имело право ограничить частное применение насилия, реализация этого права ставит некоторых невинных людей в худшее положение, и поэтому государство обязано компенсировать им это ухудшение. Поскольку платежеспособные клиенты являются выгодополучателями этого расширения ультраминимального государства, то последнее может облагать их налогами для того, чтобы предоставить эту компенсацию менее обеспеченным.

Так, не нарушая ничьих прав, доминирующая ассоциация может стать минимальным государством с монополией на насилие и правом взимать налоги со своих граждан. Однако, как считает Нозик, дальнейшее расширение государства невозможно оправдать, потому что тогда ему пришлось бы нарушать естественные права собственных граждан. В частности, если бы минимальное государство захотело учредить систему перераспределения от богатых к бедным, то оно бы нарушило права людей на их справедливо приобретенную собственность [Там же, с. 216-217]. Возможно, для богатых было бы похвально добровольно помогать бедным, но этого, согласно Нозик, нельзя от них требовать под угрозой правовых санкций.

Может ли минимальное государство перераспределять?

На основании построенного им аргумента Нозик предполагает, что обеспечение общественной безопасности – это единственная морально допустимая функция государства, а также единственный морально допустимый способ расходовать деньги, собранные через принудительное налогообложение. Сам Нозик не дал детального описания, как именно минимальное государство должно реализовывать свои полномочия. Последующие авторы, как правило, предполагали, что минимальное государство будет включать в себя только полицию, суды и армию, а также административные и налоговые органы. Все также согласны по поводу того, что минимальное государство не будет осуществлять какую-либо политику борьбы с бедностью, будь то в форме социального обеспечения или финансирования доступных публичных благ.

Некоторые авторы пытались показать, что даже из собственной концепции естественных прав Нозика можно вывести расширение полномочий государства [Vallentyne, 2007]. Здесь мы построим альтернативный аргумент: мы покажем, что даже без расширения полномочий минимального государства мы можем обосновать программы борьбы с бедностью в формате перераспределения богатства и доходов как способ обеспечения общественной безопасности. Краткий набросок такого аргумента ранее уже был представлен Эриком Маком и Джеральдом Гаусом [Mask & Gaus, 2004, p. 125]. Основная идея в том, что бедность является источником социальной напряженности и, таким образом, увеличивает риски насилия против законопослушных граждан минимального государства и их собственности⁸. Поскольку это государство уполномочено защищать своих граждан

⁸ Хотя существует различие между насильственными преступлениями и преступлениями против собственности, далее мы не будем разделять их по двум причинам. Во-первых, Нозик видит цель минимального государства в защите как людей, так и их собственности, а потому интересующее нас понятие общественной безопасности предполагает предотвращение обоих видов преступлений. Во-вторых, как подмечает Морган

от насилия со стороны других, оно должно использовать любые разумные меры, чтобы снизить риски таких насильственных посягательств. И поскольку перераспределение не нарушает естественных прав граждан, оно является разумным способом снизить риски насилия.

Корреляция между высоким уровнем материального расслоения и высокими рисками насильственных преступлений или преступлений против собственности является хорошо изученным явлением [Zhao et al., 2014]. В обществе с высоким уровнем бедности некоторые люди живут настолько плохо, что потенциальные издержки от уголовного преследования становятся сопоставимы с издержками от продолжения жизни в бедности. В таком случае для этих людей вполне рационально⁹ взять на себя риски уголовного преследования и совершить преступление, чтобы потенциально увеличить собственное благосостояние. Чем больше количество таких «отчаянных бедных» в обществе, тем выше риски, что кто-то из них примет решение совершить преступление против своих более обеспеченных сограждан. Таким образом, мы можем считать, что высокий уровень бедности сам по себе является угрозой общественной безопасности и поэтому должен быть заботой минимального государства.

Однако является ли перераспределение надежным способом снизить риски насильственных преступлений, связанных с бедностью? На первый взгляд, положительный ответ на этот вопрос кажется очевидным. Финансовая поддержка со стороны государства поможет малообеспеченным гражданам подняться над чертой бедности без необходимости брать на себя риски уголовного преследования. Эти люди больше не окажутся в ситуации, когда им нечего терять, а насильственные преступления против их сограждан – последняя возможность как-то улучшить свое качество жизни.

Академическая литература по соответствующей теме подтверждает этот вывод [Sahoo & Das, 2023]. Финансовая поддержка со стороны государства снижает вероятность совершения преступлений малообеспеченными гражданами. Конечно, программы перераспределения не сводят эту вероятность на нет, а потому не устраняют необходимость в органах уголовного преследования. Тем не менее, какое-то количество преступлений можно предотвратить, предоставив малообеспеченным пакет финансовой помощи от государства¹⁰. И для минимального государства было бы разумно перенаправить часть ресурсов на финансирование подобной социальной поддержки, что дополнительно разгрузит полицейские и судебные органы, способствуя их большей эффективности¹¹.

Келли, оба вида преступлений имеют отношение к материальному расслоению. Бедность коррелирует с преступлениями против собственности, а неравенство – с насильственными преступлениями [Kelly, 2000].

⁹ В теоретико-игровом понимании рациональности.

¹⁰ Здесь мы не будем конкретизировать, что именно должен включать этот пакет. Кажется правдоподобным, что в него должны входить по меньшей мере медицинская страховка, бюджетное образование, программы переквалификации, денежное пособие, помощь в трудоустройстве, социальное жилье и некоторые налоговые льготы. Но мы оставляем открытым вопрос о том, должно ли государство расширить этот пакет финансовой помощи за счет включения каких-то дополнительных пунктов.

¹¹ В своем диссертационном исследовании Виктор Сильвестр Каба даже приходит к выводу, что обеспеченность жильем, низкий уровень безработицы, доступность образования, низкая стоимость жизни и компенсация по безработице имеют более надежные отрицательные корреляции с уровнем насильственных преступлений, чем количество полицейских патрулей [Kabia, 2017].

Таким образом, устранение бедности является легитимной целью нозиковского минимального государства. И различные программы финансовой поддержки малообеспеченных являются эффективным способом достижения этой цели. А поскольку деятельность государства по обеспечению общественной безопасности должна финансироваться налогами его платежеспособных граждан, то эти программы финансовой поддержки являются, в сущности, формой перераспределения богатства и доходов. Следовательно, даже нозиковское минимальное государство может заниматься перераспределением, не выходя за пределы своей основной функции – обеспечения общественной безопасности.

Ответы на возражения

Более ортодоксальные нозикианцы, вне всяких сомнений, будут сопротивляться подобному расширению функций минимального государства [напр., см.: Mask, 2006]. Далее мы рассмотрим два возражения, которые эти ортодоксальные нозикианцы могут выдвинуть против включения перераспределения в функции минимального государства.

Первое возражение – это довод от инструментализации. Как утверждает Нозик, прямое перераспределение от одних людей к другим, чтобы сделать положение одних людей лучше за чужой счет, является инструментализацией тех людей, богатство и доходы которых перераспределяются. Если мы интерпретируем Нозика как кантианца, то этот запрет инструментализации устанавливается второй формулировкой категорического императива, которая запрещает относиться к людям как простым средствам [Кант, 1994, с. 205]. Но и если мы интерпретируем Нозика как этического интуитивиста, то запрет на инструментализацию одних людей в пользу других можно обосновать моральной интуицией¹². В любом случае у нас нет оснований спорить с нозикианцами насчет того, что инструментализация людей, как правило, является морально неправильной.

С точки зрения нозикианцев, стандартное минимальное государство, которое обеспечивает общественную безопасность только с помощью полицейских и судебных органов, не нарушает запрет на инструментализацию. Ведь в таком случае все граждане государства в равной степени получают защиту от государства. Если государство финансирует систему противоракетной обороны, то все граждане на территории государства получают от этого выгоду, ведь каждый оказывается защищен от угрозы ракетного удара со стороны вражеского государства. Если государство финансирует полицейские органы, которые борются с организованной преступностью, то каждый оказывается защищенным от организованной преступности, ведь в отсутствие борьбы с нею каждый в равной мере является потенциальной жертвой. Здесь нет способа исключить кого-то из числа выгодополучателей системы общественной безопасности. Но в том случае, когда государство расходует какую-то часть своего налогового бюджета на финансовую поддержку малообеспеченных, то есть люди, которые получают дополнительные выгоды за счет всех налогоплательщиков. В этой ситуации, как считают нозикианцы, у нас будут основания отвергать такую политику как форму инструментализации налогоплательщиков.

¹² Например, Паулюс Кауфманн отмечает, что запрет инструментализации является частью здравого смысла вне зависимости от того, принимаем ли мы кантианское обоснование морали [Kaufmann, 2010].

Второе возражение, которое могут выдвинуть нозикианцы, – это довод от шантажа. Подобный аргумент в ином контексте рассматривал Джеральд Коэн [Коэн, 2020, с. 90-93]. Он анализировал т. н. «аргумент от поощрения». Этот аргумент призван обосновать снижение прогрессивных налогов, которыми облагаются богатые, потому что это снижение потенциально создаст стимулы для более продуктивного использования экономических ресурсов, которое увеличит совокупное благосостояние общества. Как утверждал Коэн, даже если этот аргумент является валидным, его применение проблематично в некоторых контекстах. В частности, в ситуации, когда этот аргумент выдвигают сами обеспеченные члены общества, он звучит как шантаж: «Если вы не снизите налоги для меня, я не буду работать достаточно продуктивно, чтобы принести наибольшую пользу обществу». По мнению Коэна, такое использование аргумента от поощрения неотличимо от ситуации, когда вымогатель шантажирует родителей похищенного им ребенка: «Если вы не заплатите мне выкуп, я не верну вам вашего ребенка».

Нозикианцы могли бы возразить, что построенный выше аргумент в пользу перераспределения в минимальном государстве также звучит как шантаж: «Если вы не предоставите мне финансовую помощь, я буду совершать больше насильственных преступлений». В таком случае, даже если аргумент валиден, его использование проблематично. И этого может быть достаточно, чтобы отвергнуть перераспределительную политику в минимальном государстве.

Однако ни первое, ни второе возражение не представляет большой угрозы для нашего вывода. В ответ на первое из них стоит просто еще раз указать, что целью перераспределения в минимальном государстве является не улучшение положения наименее обеспеченных само по себе, а обеспечение общественной безопасности. Выгоду от этого получают все члены общества в равной мере, и именно поэтому минимальное государство оправдано в том, чтобы собирать со всех платежеспособных граждан налоги для финансирования своих мероприятий по обеспечению безопасности. Особая выгода, которую получают наименее обеспеченные, является просто побочным эффектом политики, основная цель которой – снижение рисков насильственных преступлений.

Можно сравнить перераспределительную политику минимального государства с другим примером. Представим город, который страдает от организованной преступности. Из-за рисков, связанных с преступностью, аренда недвижимости в этом городе стоит очень дешево, поскольку из-за страха перед нападениями никто не хочет арендовать здесь недвижимость. Затем минимальное государство усиливает полицейское патрулирование в этом городе, что приводит к значительному снижению уровня преступности, а это, в свою очередь, увеличивает стоимость аренды в этом городе. С точки зрения Нозика, государство имеет право усиливать полицейское патрулирование, но в описанной ситуации это, в сущности, создает исключительные выгоды для собственников недвижимости в данном городе за счет потенциальных арендаторов.

Нозик может ответить на этот пример, что такое создание побочных выгод для какой-либо социальной группы само по себе не считается инструментализацией кого-либо, если оно происходит в результате действий, основной целью которых является обеспечение безопасности для всех. Иначе говоря, мы можем выделять два типа перераспределительной политики: перераспределение по цели и перераспределение по эффекту [ср.: Rawls, 1993, pp. 192-194]. Политика первого типа рассматривает перераспределение благ между людьми как цель, которую эта политика должна реализовать, тогда как политика второго типа,

хотя фактически и занимается перераспределением благ, преследует какую-либо иную цель. Сам Нозик обращается к этому противопоставлению, чтобы объяснить, почему перераспределительный эффект налогообложения¹³ в минимальном государстве не является проблематичным [Нозик, 2020, с. 50]. И если мы, вслед за Нозином, принимаем это различие, то мы можем вписать в него и различные программы социального обеспечения в минимальном государстве. Хотя эти программы перераспределительные по своему эффекту, их основная цель не является перераспределительной – это обеспечение общественной безопасности для всех в равной мере.

Мы также можем ответить и на второе возражение. Когда Коэн обсуждает шантаж в контексте аргумента от поощрения, он указывает на тот факт, что проблематичной является ситуация, когда этот аргумент выдвигают выгодополучатели поощрений. Но это не было бы столь проблематично, если бы этот аргумент выдвинул кто-то из тех, кому реализация этих поощрений не сулит никакой выгоды. Представим, например, кооперативный проект, в котором участвуют три человека: Марк, Петр и Антон. Допустим, Марк выполняет большую часть работы по этому проекту, тогда как Петр и Антон работают значительно меньше. Если Марк предложит отдать ему большую часть произведенных ими благ, чтобы стимулировать его трудиться еще больше, то его предложение будет в чем-то подобно шантажу: «Либо вы отдаете мне большую часть произведенных благ, либо я не буду работать для производства еще большего их количества». Но если это предложение озвучит Антон, то это не будет похоже на шантаж. В конце концов, сам Антон ничего не получит, если его предложение будет реализовано.

Соответственно, и в случае с нашим аргументом в пользу перераспределения в минимальном государстве, чтобы признать его подобным шантажу, необходимо обратить внимание на то, кто именно выдвигает этот аргумент. Если это делают сами наименее обеспеченные, то использование ими подобного аргумента действительно проблематично. Но совсем иное дело, если такое обоснование будет приведено представителями самого минимального государства. В подобном случае было бы странно назвать этот аргумент шантажом, поскольку выдвигающие его представители минимального государства не получают никакой выгоды от реализации предлагаемой политики. Не считая, разве что, самой общественной безопасности и оплаты услуг по ее поддержанию, однако это то, на что представители минимального государства, согласно нозиковскому обоснованию, в любом случае имеют право.

Таким образом, ни одно из двух возражений не способно опровергнуть выдвинутый нами аргумент. Минимальное государство имеет право тратить налоговые деньги для обеспечения общественной безопасности любым эффективным и не нарушающим чьи-либо естественные права способом. И у нас есть веские основания считать, что система социальной защиты малоимущих является именно таким способом. Тогда более ортодоксальные нозикианцы могли бы предложить еще одно возражение: государство не должно тратить деньги теми способами, на которые его граждане не дали согласия. Поэтому если кто-то в обществе возражает против социальной помощи малоимущим, то государство лишается права организовывать эту помощь.

¹³ Речь о том, что даже при пропорциональной системе налогообложения более состоятельные налогоплательщики, в сущности, платят больше за общественную безопасность, чтобы предоставить это благо тем, кто платит за него меньше или не платит вообще. С точки зрения Нозика, такой перераспределительный эффект оправдан, поскольку более состоятельные налогоплательщики несут компенсационные обязательства перед своими менее обеспеченными согражданами.

Но это возражение неверно понимает связь между минимальным государством и его гражданами в теории Нозика. Как подмечает Эрик Мак, нозиковское минимальное государство больше похоже на коммерческое предприятие, чем на знакомые нам конституционные демократии, где политика государства определяется народным волеизъявлением [Mask, 2011]. Минимальное государство – это, в сущности, большое охранное агентство с монополией на насилие на определенной территории. Обеспечение этим государством общественной безопасности – это своего рода предоставление собственным гражданам коммерческой услуги. Клиент фирмы не имеет права определять, каким способом фирма будет предоставлять ему услугу, при условии, что фирма не нарушает этим ничьи права (что исключает насилие и мошенничество). Покупатель пекарни, например, не имеет права ограничивать пекарню в том, как они будут выполнять свои заказы¹⁴. Аналогично и граждане минимального государства не имеют права требовать от этого государства, чтобы оно ограничивало себя в методах обеспечения общественной безопасности, включая и перераспределительные программы.

Последняя возможность для нозикианца отвергнуть перераспределение как форму обеспечения общественной безопасности – это настаивать на необходимости демократизации минимального государства. Если это государство станет некоторой формой демократического самоуправления, а не просто фирмой по производству общественной безопасности, то его граждане получат право определять его политику. Однако такое государство просто перестанет быть минимальным. Если граждане имеют право влиять на политику государства через демократические процедуры, то они также имеют право определять те функции, которые государство должно осуществлять. И тогда ничто не ограничивает граждан в том, чтобы проголосовать за перераспределительную политику государства¹⁵.

Заключение

Как мы показали, Нозик не удалось обосновать, что минимальное государство не имеет права перераспределять богатство и доходы между своими гражданами. Даже если функции и полномочия государства ограничены обеспечением общественной безопасности, оно все еще может осуществлять перераспределительную политику, чтобы снизить риски преступлений со стороны своих малоимущих граждан. Никто из налогоплательщиков не может возражать против такого способа обеспечения общественной безопасности, потому что нозиковское минимальное государство не обязано отчитываться перед своими гражданами о способах, которые оно избрало для осуществления своих полномочий, пока это не нарушает чьи-либо естественные права. Таким образом, даже минимальное государство по Нозик имеет достаточно прав и полномочий, чтобы перераспределять

¹⁴ Конечно, за исключением случаев, когда пекарня вводит своих клиентов в заблуждение или использует небезопасные для их здоровья методы.

¹⁵ Нозик действительно рассматривал возможность превращения минимального государства в демократическое без нарушения прав собственных граждан через процесс, который он назвал «демоктезисом» [Нозик, 2020, с. 341-342]. Однако Нозик считал, что демоктезис является как маловероятным, так и нежелательным сценарием. В более поздних работах Нозик уже однозначно одобрял демократическое государство, но вместе с тем признавал необходимость перераспределения богатства и доходов [Nozick, 1989, pp. 286-296], и эта трансформация взглядов широко интерпретируется как отказ от либертарианства.

богатство и доходы. Любое более обширное государство, соответственно, также будет иметь соответствующие права и полномочия, что подрывает распространенную либертарианскую позицию о том, что перераспределение благ в обществе невозможно морально оправдать¹⁶.

Список литературы / References

Кант, И. (1994). Основоположения метафизики нравов. Пер. с нем. Л. Д. Б. *Сочинения в 8 т.* Т. 4. М.: Чоро. С. 153-246.

Kant, I. (1994). Groundwork of the Metaphysics of Morals. L. D. B. (transl.). In *Works in 8 vols.* Vol. 4. Moscow. Pp. 153-246. (In Russ.)

Коэн, Дж. (2020). *Совместимы ли свобода и равенство?* Пер. с англ. Д. С. Середы. М.: Свободное марксистское изд-во.

Cohen, G. A. *Are Freedom and Equality Compatible?* Sereda, D. S. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Локк, Дж. (2020). *Два трактата о правлении.* Пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. М.; Челябинск: Социум.

Locke, J. (2020). *Two Treatise of Government.* Lagutin, E. S., Semenov, Yu. V. (transl.). Moscow; Chelyabinsk. (In Russ.)

Мехед, Г. Н. (2015). Моральный абсолютизм: общая характеристика и современные подходы. *Этическая мысль / Ethical Thought.* Т. 15. № 1. С. 27-50.

Mekhed, G. N. (2015). Moral Absolutism: General Description and Contemporary Approaches. *Ethical Thought.* Vol. 15. No. 1. Pp. 27-50.

Морозов, К. Е. (2023). Поддерживал ли Роберт Нозик принудительное налогообложение? *Философия и общество.* № 2 (107). С. 78-96. DOI: 10.30884/jfio/2023.02.06.

Morozov, K. E. (2023). Did Robert Nozick Support Forced Taxation? *Philosophy and Society.* No. 2 (107). Pp. 78-96. DOI: 10.30884/jfio/2023.02.06. (In Russ.)

Морозов, К. Е. (2025а). Оговорка Нозика и базовый доход. *Философский журнал / Philosophy Journal.* Т. 18. № 1. С. 117-133. DOI: 10.21146/2072-0726-2025-18-1-117-133.

Morozov, K. E. (2025a). Nozick's Proviso and Basic Income. *Philosophy Journal.* Vol. 18. No. 1. Pp. 117-133. DOI: 10.21146/2072-0726-2025-18-1-117-133. (In Russ.)

Морозов, К. Е. (2025б). Самопринадлежность и категорический императив. *Кантовский сборник.* Т. 44. № 3. С. 81-109. DOI: 10.5922/0207-6918-2025-3-3.

Morozov, K. E. (2025b). Self-Ownership and the Categorical Imperative. *Kantian Journal.* Vol. 44. No. 3. Pp. 81-109. DOI: 10.5922/0207-6918-2025-3-3. (In Russ.)

¹⁶ Автор выражает глубокую признательность Арине Черепановой, Александру Разину, Артему Беседину и анонимным рецензентам за полезные комментарии и обсуждения, которые помогли в работе над этой статьей.

Нозик, Р. (2020). *Анархия, государство и утопия*. Пер. с англ. Б. Пинскера. М.; Челябинск: Социум.

Nozick, R. (2020). *Anarchy, State, and Utopia*. Pinsker, B. (transl.). Moscow; Chelyabinsk. (In Russ.)

Ротбард, М. (2009). *К новой свободе: Либертарианский манифест*. Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Новое изд-во.

Rothard, M. N. (2009). *For a New Liberty: The Libertarian Manifesto*. Pinsker, B. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Чалый, В. А. (2014). Философские идеи Канта в политической теории Роберта Нозика. *Кантовский сборник*. № 2. С. 46-52. DOI: 10.5922/0207-6918-2014-2-4.

Chaly, V. A. (2014). Kant's Philosophical Ideas in Robert Nozick's Political Theory. *Kantian Journal*. No. 2. Pp. 46-52. DOI: 10.5922/0207-6918-2014-2-4. (In Russ.)

Bardon, A. (2000). From Nozick to Welfare Rights: Self-Ownership, Property, and Moral Desert. *Critical Review: A Journal of Politics and Society*. Vol. 14. No. 4. Pp. 481-501. DOI: 10.1080/08913810008443570.

Brennan, J., Van der Vossen, B. (2018). The Myths of the Self-Ownership Thesis. In Brennan, J., Van der Vossen, B., Schmidtz, D. (eds.). *The Routledge Handbook of Libertarianism*. New York. Routledge. Pp. 199-211.

Cohen, G. A. (1995). *Self-Ownership, Freedom, and Equality*. Cambridge. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511521270.

Feser, E. (2000). Taxation, Forced Labor, and Theft. *The Independent Review*. Vol. 5. No. 2. Pp. 219-235.

Kabia, V. S. (2017). *The Relationship Between Increased Police Patrols and Violent Crime Rates in Seven United States Cities*. Minneapolis.

Kaufmann, P. (2010). Instrumentalization: What Does It Mean to Use a Person? In Kaufmann, P., Kuch, H., Neuhaeuser, C., Webster, E. (eds.). *Humiliation, Degradation, Dehumanization: Human Dignity Violated*. Cham. Springer. Pp. 57-65. DOI: 10.1007/978-90-481-9661-6_5.

Kelly, M. (2000). Inequality and Crime. *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 82. No. 4. Pp. 530-539. DOI: 10.1162/003465300559028.

Mack, E., Gaus, G. F. (2004). Classical Liberalism and Libertarianism: The Liberty Tradition. In Gaus, G. F., Kukathas, C. (eds.). *Handbook of Political Theory*. London. Sage. Pp. 115-130.

Mack, E. (2006). Non-Absolute Rights and Libertarian Taxation. *Social Philosophy & Policy*. Vol. 23. No. 2. Pp. 109-141. DOI: 10.1017/S0265052506060195.

Mack, E. (2011). Nozickian Arguments for the More-than-Minimal State. In Bader, R. M., Meadowcroft, J. (eds.). *The Cambridge Companion to Nozick's Anarchy, State, and Utopia*. Cambridge. Cambridge University Press. Pp. 89-115.

Nagel, T. (1995). Libertarianism Without Foundations. In *Other Minds: Critical Essays 1969-1994*. Oxford. Oxford University Press. Pp. 137-149. DOI: 10.1093/oso/9780195090086.003.0014.

Nozick, R. (1989). *The Examined Life*. New York. Simon & Schuster.

Perloff, J. M. (2012). *Microeconomics*. London. Pearson Education.

Rawls, J. (1993). *Political Liberalism*. New York. Columbia University Press.

Sahoo, B., Das, R. (2023). Crime Population Modelling: Impacts of Financial Support. *International Journal of Dynamics and Control*. Vol. 11. Pp. 504-519. DOI: 10.1007/s40435-022-00986-6.

Vallentyne, P. (2007). Libertarianism and the State. *Social Philosophy & Policy*. Vol. 24. No. 1. Pp. 187-205. DOI: 10.1017/S0265052507070082.

Zhao, H., Feng, Z., Castillo-Chavez, C. (2014). The Dynamics of Poverty and Crime. *Journal of Shanghai Normal University*. Vol. 43. No. 5. Pp. 486-495.

Сведения об авторе / Information about the author

Морозов Константин Евгеньевич – младший научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, e-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3677-801X>.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

После доработки: 20.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Morozov Konstantin – Junior Research Fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Goncharnaya Str., 12/1, e-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3677-801X>.

The paper was submitted: 15.04.2026

Received after reworking: 20.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026